

УДК: 81.2/811.72

DOI: 10.18384/2310-712X-2015-5-161-165

Овчинникова А.С.*Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого***СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ,
ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В АВСТРАЛИЙСКОМ ВАРИАНТЕ АНГЛИЙСКОГО
ЯЗЫКА И ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ**

Аннотация. В статье описываются результаты сопоставительного анализа коммуникативных стратегий, используемых в австралийском варианте английского и во французском языках. Выявляются и систематизируются способы межкультурного общения, категории вежливости, факторы, влияющие на построение успешного кросс-культурного диалога. Анализ бытовых интеракций и взаимодействий позволяет выявить особенности австралийской и французской лингвокультур. В процессе исследования выявляются факторы, обуславливающие реализацию разноструктурных лингвокультурем в разговорной и фамильярной речи. Уточняется роль формирования общего для различных этносов культурного пространства с учётом тенденции к культурной глобализации.

Ключевые слова: австралийский национальный вариант английского языка, межкультурная коммуникация, языковая стратегия, лингвокультурема.

A. Ovchinnikova*Tula Lev Tolstoy State Pedagogical University***COMPARATIVE ANALYSIS OF COMMUNICATION STRATEGIES
IN THE AUSTRALIAN VERSION OF ENGLISH LANGUAGE
AND IN THE FRENCH LANGUAGE**

Abstract. This article presents the comparative analysis of communicative strategies, used in Australian English and the French language. In the article different ways of cross-cultural communication, categories of politeness and factors influencing a successful cross-cultural dialogue are identified and classified. The analysis of communication in everyday life allows to single out features of local culture-specific concepts in Australian English and in the French language. The linguistic research showed the factors that influence the involvement of cultural concepts in the informal and familiar styles of different structures. It also specifies the role and the origin of a common cultural space for different ethnic groups in the framework of globalization and cultural drift.

Key words: the Australian English, intercultural communication, language strategies, cultural concepts.

Неразрывная связь между культурой общества и языком неоднократно подчёркивалась ведущими отече-

ственными и зарубежными учёными.

Как известно, в основе всякой коммуникации лежит общий или взаимный код (shared code) участников

коммуникативного акта. В случае языковой коммуникации таким общим кодом является взаимное понимание языковых единиц: без этого общение невозможно.

Анализ двух культур с точки зрения способа построения и ведения диалога, несомненно, субъективен. Для интерпретации проблемы межкультурного непонимания был выбран способ качественного анализа.

Культурные традиции и ритуалы существуют у любой нации, но отношение к ним и применяемые в зависимости от ситуации стратегии вежливости и такта различны [1, с. 63–85].

Австралийцы относятся к не тактильному типу культуры и очень разговорчивы: при коммуникации между собой они часто «отпускают» небезобидные шутки по отношению к жителям других стран, высмеивая их, однако при межкультурной коммуникации обычно придерживаются принятых в стране собеседника норм вежливости.

Рассмотрим межкультурный диалог, посвящённый обсуждению проведённых выходных. Отметим, что выходные в австралийской лингвокультуре и в европейских культурах, включая французскую, представляют культурно-социальный концепт. Вопрос «How was your weekend?» может быть обращён к любому лицу вне зависимости от степени знакомства с собеседником. Если коммуниканты хорошо знакомы между собой, предполагается более длительное общение. В отношениях к малознакомым людям или соседям французы более дистантны, чем австралийцы. Они строго придерживаются правила «chacun chez soi» («каждый у себя дома») и стараются

не обременять других своими проблемами.

Реакция француза на вопрос о проведённых выходных – краткий ответ, без энтузиазма, в том числе литота (Understatement).

Ответ австралийца также предсказуем: типичный выходной австралийца – на море, на пикнике с шашлыками, в баре, в шале, за просмотром любимой телепередачи и пр. (*I went to that... lodge*).

Австралиец с удовольствием предоставит более развёрнутую информацию, если почувствует искреннюю заинтересованность собеседника. Основная идея коммуникации в процессе построения диалога ответчиком – *I would only say things if I thought others would be interested*.

В противном случае, как чаще всего происходит в беседе с европейцем (в том числе французом), задающим вопросы о семье, детях (прочие частные вопросы), австралиец даст усечённый ответ, отреагировав на нарушение границ и неуважение его личного пространства.

Понятие вежливости при наличии концептуального инварианта варьируется в разных лингвокультурах. К. Кербрат-Орекьони ввела термин FFA (Face Flattering Acts) для обозначения комплиментов и прочих знаков внимания. Особый интерес представляет рассмотрение дихотомии акта вежливости на следующем примере: австралийка, впервые приглашённая в гости к француженке, обязательно поможет хозяйке убрать со стола. Француженка, если ей неизвестны соответствующие стратегии вежливости, принятые в австралийской культуре, воспримет это как

признак того, что гостю скучно и не терпится покинуть дом, а также как вторжение на свою личную территорию [4, с. 28]. В таком случае австралийке следовало бы воспользоваться самым известным и популярным способом лингвистического оформления взаимодействия среди австралийцев, употребив следующую конструкцию: *Can I / you please do X?* (здесь: *Can I help you with...?*).

B: *No, I just... I just need to get home.*

A: *Perfect. Someone's got under a train right near your place. It's on the way.*

В качестве примера предлагается рассмотреть телефонный разговор между секретаршей фирмы X, коренной жительницей Австралии, и англоговорящим французом, представителем фирмы-партнёра, желающим поговорить с директором фирмы X:

– *I believe he's left.*

– *Could you check please?*

– *I'm terribly sorry but I buzzed him 5 minutes ago and I assure you he wasn't there.*

Для носителя языка более корректным было бы использование следующей конструкции:

– *I believe he's left.*

– *Oh, ok. I'll call back him tomorrow then.*

Или:

– *Oh, right, do you think, he's going to be back at all today?*

– *I'm terribly sorry but I buzzed him 5 minutes ago and I assure you he wasn't there.*

В результате француз выразил сомнение в отношении реплики секретаря компании в связи с употреблением соответствующей лексической единицы «I believe», что было воспринято как недоверие.

На современном этапе развития австралийского варианта английского языка (далее – *AuE*) стираются границы между сленгом и фамильярно-разговорным слоем лексики, поэтому во многих словарях всё чаще используется помета “informal” («неформальная лексика») для обозначения тех слоёв лексики, которые традиционно помечались как “slang” и “colloquial”. Относясь к той части лексики, которую традиционно считают сленговой, неформальная лексика употребляется не только в устной публичной и непубличной речи, но и в письменных текстах. *AuE* в силу исторических причин терпим к неформальной лексике, что неприемлемо для французской лингвокультуры. Использование единиц неформальной лексики (нередко – чрезмерное) наблюдается в речи и рабочих, и первых лиц государства, не адаптируя её к коммуниканту, и австралийцы ждут от англоговорящего собеседника ответной реакции.

Отличительной особенностью социолингвистической ситуации Австралии является то, что австралийцы редко прибегают к «переключению кодов», тогда как французы применяют этот приём, используя литературный язык в официальных ситуациях общения. При этом *AuE* позволяет носителям различных языков и культур общаться и взаимодействовать в австралийском обществе, внося в него свои особенности и «впитывая» языковые и культурные особенности австралийцев. Следующий пример представляет яркую иллюстрацию вышесказанного: недавно Канберру с официальным визитом посетил Барак Обама и начал свою речь со сленга, употребив выражение “ear-bashing”,

что означает 'долгий, затянутый разговор' ("a tedious long conversation"). Президенту настолько понравилась образность и живость настоящего выражения, что он несколько раз употребил его во время заседаний в США.

Представления об уместном и вежливом речевом поведении зависят от конкретной ситуации и контекста общения, а также от культурно обусловленной системы ценностей определённого речевого сообщества [2; 3].

В деловой среде и в повседневной коммуникации австралийцы не прерывают собеседника, в связи с чем длительные паузы между речевыми оборотами дают возможность говорящему подумать над более точной формулировкой мысли, иногда носят эмфатическую функцию. В западноевропейских культурах подобная пауза – это, как правило, возможность вставить реплику, вступить в диалог.

Для австралийцев наиболее популярной оказалась тактика использования сокращений и эллиптических предложений. Для лингвистического оформления тактики позитивной вежливости австралийцы прибегают к употреблению следующих конструкций:

Mom, clothes?

A double bourbon with ice.

Why don't you / I do X?: Why don't you just do your job?

Что касается французского языка, оборот *s'il te/vous plaot* не имеет ярко выраженного прагматического значения. Он возможен, но не обязателен, его с успехом заменяет глагол *prier*: *Передайте, пожалуйста / Je vous prie de me passer*. Во французском языке к каждому из обращений для усиления вежливого оттенка необходимо добавлять *Monsieur, Madame*.

В Австралии культурной нормой является обращение по имени, и более того, используются ещё более демократичные уменьшительные, детские имена (*Bob, Bill, Betty*). И это действительно общепринято: студенты – профессоров, младшие – старших, весь народ – Президента называют именно так [6].

Интересно также отметить, что большинство способов лингвистического оформления, наиболее часто употребляющихся австралийцами, – это выражения с модальными глаголами, что придаёт их звучанию большую неуверенность в положительном ответе и меньшую прямолинейность.

Любой коммуникативный акт (просьба, предложение, требование) характеризуется наличием или отсутствием категории смягчения. Согласно П. Брауну и С. Левинсону, необходимость минимизировать риск угрозы коммуниканта соотносима со стратегией сближения и дистанцирования [5]. Приведём примеры функционирования максим вежливости у австралийцев:

– одна единица: *Do you mind going to lunch now?*;

– две единицы: *Can you ring me a cab please?*;

– несколько единиц: *Nicole, there's one more thing that would be great if you could do it before you go.*

Во французском языке:

– одна единица: *Où est-ce que je pourrais te voir?*;

– две единицы: *Est-ce que par hasard vous auriez la monnaie?*;

– несколько единиц: (в разговорной речи) *Si tu n'as plus rien à faire je crois que bon maintenant tu sais va voir directement le credit analyste euh.*

По статистике в коммуникации внутри родной культуры французы не прибегают к употреблению категории смягчения в 70 % случаев, австралийцы – в 40 %. Французы применяют соответствующие максимы чаще всего в случае просьбы, австралийцы используют категорию вежливости в разнообразных коммуникативных ситуациях.

По сравнению с австралийцами, французы значительно реже используют множественные единицы смягчения (в 9 % случаях). В межкультурной коммуникации (французы обращаются к австралийцам) они стараются применять стратегию вежливости, но ограничиваются минимальным смягчением.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вежбицкая А. Культурно-обусловленные сценарии и их когнитивный статус // Язык и структура знания / Отв. ред. Р.М. Фрумкина. М.: Наука, 1990. 63–85 с.
2. Григорьева Н.В. Стратегии вежливости в речевой коммуникации представителей британской, американской и австралийской лингвокультур: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009. 233 с.
3. Ларина Т.В. Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах. М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2003. 315 с.
4. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики межъязыковой и межкультурной коммуникации. М.: АСТ, 2007. 386 с.
5. Brown P., Levinson S.D. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge, 1987. 290 p.
6. Kerbrat-Orecchioni C. Rhétorique et pragmatique: les figures revisitées. P., 1994. 200 p.